

ХРАНИТСЯ
В АРХИВЕ

Почта, которую получал Константин Симонов, была огромна. Ее составляли непрекращающийся поток рукописей и книг, бесчисленные письма с самыми разными вопросами, просьбами, замечаниями, относящимися к жизни и искусству. Много было откликов на произведения самого Симонова.

После того как прошли на экране документальные фильмы «Шел солдат...» и «Солдатские мемуары», автор их сценариев решил сдать в архив рабочие материалы — стенограммы своих бесед с кавалерами орденов Славы трех степеней, зрительские письма; сдавая, Симонов подсчитал по-

лученные письма — их оказалось свыше двух с половиной тысяч. Таковы масштабы его переписки.

В 1966 году в предисловии к шеститомному собранию сочинений Симонов писал: «...я до сих пор был и продолжаю оставаться военным писателем, и мой долг заранее предупредить читателя, что, открывая любой из этих шести томов, он будет снова и снова встречаться с войной». Эта симоновская автохарактеристика распространяется и на новое собрание, которое из прижизненного, увы, стало посмертным. До самого последнего дня, до самой последней строки он оставался военным писателем.

Великая Отечественная — главная тема его эпистолярного наследия, об этом свидетельствует и настоящая публикация в «Литературной России». Литература о войне, ее события, ход, «пружины» — на всем этом были сосредоточены творческие и жизненные интересы Симонова; здесь не было для него вещей неважных, несущественных, оставляющих равнодушным, — все его занимало, он стремился узнать все больше и больше, докопаться до сути...

Письма печатаются с некоторыми сокращениями по копиям из архива К. М. Симонова.

Л. ЛАЗАРЕВ

хочется быть поближе к истине, рассказывая об этом периоде войны, а между тем мы и тогда отдавали себе отчет заранее, насколько он будет трудным.

Вот что — именно об этом периоде — о последних предстоящих боях было сказано в «Итогах войны за три года», опубликованных в канун начала нашего наступления в Белоруссии 23 июня сорок четвертого года: «Война теперь идет к концу. Но оставшаяся часть пути к полной победе будет нелегкой. Война вступила в самую ожесточенную, решающую и наиболее трудную фазу...»².

Если говорить о напряжении фильма, характере изображения войны в нем, то эту фразу, взятую из документа того времени, можно было бы поставить эпиграфом к фильму.

Я не хочу сейчас писать ничего сверх сказанного, потому что все это будет приблизительным, просто хочу, чтоб Вы знали, что я намерен этим заниматься, что, очевидно, мог бы сделать такой сценарий где-то в пределах текущего года и хотел бы, чтобы его поставил Алексей Герман³. Собственно говоря, я заранее, задумывая этот сценарий, видел именно его как режиссера, и думаю, что сильные стороны его режиссерского

фильмом о войне в чуждой для меня, в связи именно с этой темой, эстетике.

Уважающий Вас

6.IV.1978 г.

¹ Фильм «Экипаж».

Константин СИМОНОВ

М. Ф. Палю

Уважаемый Максим Федорович, с интересом прочел Ваше письмо и Ваши замечания, носящие принципиальный характер. Выскажу и свою принципиальную точку зрения на этот вопрос. Вы ссылаетесь на пример Льва Николаевича Толстого. Пример, разумеется, самый великий, какой только можно представить себе, но по данному именно поводу ссылаться на него вряд ли верно, ибо: Толстой выпустил «Войну и мир» через пятьдесят семь лет после Бородине и через шестьдесят четыре года после Аустерлица, так что вопрос о живых и живущих рядом с ним участниках Отечественной войны 12-го года перед ним вставал по-другому, чем перед нами, грешными, пишущими свои книги с меньшим интервалом между ними и событиями, о которых они написаны. Мне, например, пришлось начинать работу над своей трилогией всего-навсего через десять лет после войны и закончить ее через двадцать семь лет после войны, — разрыв не столь большой по времени. В сущности, Вы требуете от меня, если вдуматься в то, что Вы предлагаете, отказаться от изображения людей в ранге командарма, — в общем, от изображения людей в тех рангах, когда люди более или менее наперечет. Мне не кажется это правильным. Я прекрасно знаю, какой армией командовал в Белорусской операции Гришин, какой — Болдин¹ и какие командующие были во главе армий, осуществлявших в Сталинграде операцию «Кольцо»², но я имел в виду написать не их, а вымышленного мною героя Серпилина. И по ходу моего романа он из командира полка стал командармом, и я не вижу для себя причин отказывать ему в такой возможности как действующему лицу романа.

Во всех моих книгах все читатели заведомо, с первых же страниц предупреждаются, что все имена в романах вымышленны, а все номера частей условны. Поэтому никому ровным счетом не наносится личных обид.

Если Вы успели заметить, я ни в «Последнем лету» ни в «Солдатами не рождаются» не называю номер той армии, которой впоследствии командует Серпилин. Не называю я и фронта, где членом Военного совета Львов. Словом, делаю все, что в моих силах, для того, чтобы не искали прямых прототипов...

Выдумывать операции Великой Отечественной войны, зашифровывать Могилев какой-нибудь другой буквой или изображать операцию «Багратион» как какую-то иную операцию я не могу. Давать представление о более или менее подлинной географии событий я обязан.

...Перед писателем есть два пути: либо идти по тому пути, по которому иду я, изображая вымышленных героев, хотя и отталкиваясь от действительных событий и действительной географии войны, либо писать документальные книги о тех или иных командирах дивизий, корпусов и командующих армиями с настоящими именами, отчествами и фамилиями, без всяких домыслов, по документам. Такой путь весьма плодотворен и на этом пути немало хорошего сделано у нас в литературе, но это путь биографии, документального сочинения, а не романа, а я все же написал именно роман и так его и обозначил.

Вот если в тех дневниках, которые у меня сейчас входят в «Молодой гвардии» под общим названием «Разные дни войны»³, Вы обнаружите, что кто-то из военных или не военных людей, упомянутых там, неверно назван, и что где-то там не соблюдена документальная точность происходящего, я буду очень благодарен за соответствующее замечание, потому что считаю своим долгом в этой документальной книге быть действительно документалистом. А когда я пишу роман, я стремлюсь быть именно романистом — и двух этих профессий ни в том, ни в другом случае не соединяю.

Жму Вашу руку, уважающий Вас

Константин СИМОНОВ

29.III.77 г.

¹ Генерал-лейтенант И. Т. Гришин командовал 49-й армией, генерал-лейтенант И. В. Болдин — 50-й армией. Обе эти армии входили в состав 2-го Белорусского фронта и участвовали в освобождении г. Могилева.

² Это были генерал-лейтенант П. Л. Романенко (5-я танковая армия), генерал-майор И. М. Чистяков (21-я армия), генерал-лейтенант П. И. Батов (65-я армия), генерал-майор И. В. Галанин (24-я армия), генерал-лейтенант Н. И. Труфанов (51-я армия), генерал-лейтенант М. С. Шумилов (64-я армия).

³ К. Симонов. «Разные дни войны. Дневник писателя». Издательство «Молодая гвардия», 1977.

Константин СИМОНОВ: «ПРОДОЛЖАЮ ОСТАВАТЬСЯ ВОЕННЫМ ПИСАТЕЛЕМ»

Директору студии «Ленфильм»
В. В. Блинову

Многоуважаемый Виктор Викторович, в конце января я получил напоминание от Первого творческого объединения Студии о том, что оно рассчитывает получить от меня заявку на сценарий, связанный с военными действиями на Рыбачьем полуострове, причем в ходе предварительных разговоров речь шла о том, чтобы этот сценарий осуществил на экране А. Ю. Герман.

В связи с письмом Объединения мне хотелось бы поставить Вас в известность о некоторых переменах в моих планах.

Работа, которой я занимаюсь в последние годы, над документальными фильмами о солдатах — трижды кавалерах ордена Славы¹, столкнула меня с очень интересными людьми и со многими замечательными военными биографиями. Помимо отснятого документального материала, эта работа дала мне еще и около четырех тысяч страниц стенограмм, которые следует рассматривать как исходный материал для будущих книг.

И вот в связи с этой работой и с теми впечатлениями, которые у меня возникли от людей, встреченных в ходе этой работы, мне захотелось сделать не сценарий об обороне Рыбачьего полуострова, а сценарий о действиях наших танкистов в последний период войны между началом операции «Багратион», то есть июнем сорок четвертого года, и финалом войны — маем сорок пятого. Это период наиболее широко развернувшихся действий шести наших танковых армий и многих отдельных танковых и механизированных корпусов. Период очень жестоких, тяжелых, напряженных танковых боев, больших глубоких прорывов, рейдов по тылам противника, неожиданного захвата городов и столь же неожиданного освобождения пленных из концлагерей в глубине Германии.

Я не собираюсь в этом сценарии показывать общую картину боевых действий наших танкистов в масштабе корпусов и армий, я хочу показать все это на, главным образом, людях одного танкового экипажа. Думаю, что и фильм — название это мне нравится и как условное уж во всяком случае — может быть назван «Экипаж». В основу сюжета ляжет реальный ход войны, движение от восточных границ Белоруссии до выхода к Кенигсбергу, к Штеттину, к берегу Балтийского моря...

В основу мне хочется взять подлинные судьбы людей, которые они мне уже рассказали, — в художественном фильме объединив разных людей с их разными судьбами в одном экипаже. Но за каждой такой судьбой будет стоять в самом главном, решающем — реальная человеческая судьба. Просто-напросто мне

дарования могут проявиться именно в такого рода работе.

Жму Вашу руку, уважающий Вас

Константин СИМОНОВ

16.II.1977 г.

¹ Симонов вместе с режиссером М. Бабак снял на Центральной студии документальных фильмов для телевидения фильм «Шел солдат...» (1975) и «Солдатские мемуары» (1976) в шести сериях.

² 22 июня 1944 г. в «Правде» Совинформбюро опубликовало документ «Три года Отечественной войны Советского Союза (военные и политические итоги)», цитату из которого приводит Симонов.

³ А. Ю. Герман — кинорежиссер, поставивший до этого повесть Симонова «Двадцать дней без войны».

Дорогой Даль Константинович!

...Благодарен... за решение оформить со мной договор на сценарий этого фильма! как госзаказ.

Но вот какие неожиданные для меня сложности возникли, пока я болел и отсутствовал... Я, как и во всех без исключения случаях до этого, имел в виду делать фильм о войне как фильм черно-белый. Я никогда не представлял себе и не представляю себе сейчас, что бы такая-либо из моих книг о войне превратилась на экране в цветную ленту. Я, разумеется, понимаю, что и у разных писателей, и у разных режиссеров могут быть разные эстетические воззрения на этот вопрос, но у меня они сложились именно так, и сложились настолько бесповоротно, что для меня ныне возникает дилемма: или делать этот фильм о танкистах черно-белым, или, если это будет признано невозможным по тем или иным производственным, экономическим причинам, пока не поздно, отказаться от этой работы, чтоб, не дай бог, никого не подвести впоследствии.

Мне очень хочется, чтоб Вы меня правильно поняли — может быть, это наивно и даже глупо звучит, но в моем собственном, авторском ощущении все книги, которые я написал до сих пор о войне, — это, если можно так выразиться, черно-белые, а не цветные книги, и от этого ощущения я не могу отступить, не перешагнув через свою — хорошую или худую, но уж именно такую, а не эдакую индивидуальность.

...Пишу Вам без тени писательского апломба. Я готов делать фильм более масштабный и более скромный, фильм широкоформатный, широкоэкранный, фильм обычного формата — но только не цветной. И добавлю: если бы режиссер занял в этом вопросе другую позицию, чем я, то при всем моем добром отношении к его таланту и при моем очень большом желании продолжить с ним работу, начатую фильмом «Двадцать дней без войны», — я, очевидно, все-таки вынужден был бы отказаться от совместной работы с ним над